

Сказки из детства

ЧУДО-КНИГА

*Иллюстрации
Антония Елисеева*

эксмогешство

ЛЮБИМЫЕ КНИЖКИ
ДЛЯ МАЛЫША И МАЛЫШКИ

**Ганс Христиан Андерсен
Якоб и Вильгельм Гримм
Шарль Перро**

**Сказки из детства. Чудо-
книга. Любимые книжки
для малыша и малышки**

**Серия «Золотые сказки
для детей (Эксмо)»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73194738

*Сказки из детства. Чудо-книга. Любимые книжки для малыша и малышки: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-239354-9*

Аннотация

В книгу вошли 18 волшебных историй, ставших настоящими символами детства. Русские народные сказки, произведения Г.-Х. Андерсена, Ш. Перро и братьев Гримм проиллюстрированы народным художником России Анатолием Елисеевым. Книга рассчитана на широкий круг читателей. «Теремок», «Заюшкина избушка», «Лисичка со скалочкой», «Красная Шапочка» подойдут для первого самостоятельного чтения. «Гензель и Гретель», «Стойкий оловянный солдатик», «Кот в сапогах»

порадуют читателей постарше. Шутливую сказку-прибаутку «Яичко» по мотивам «Курочки Рябы» написал Анатолий Елисеев.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Русские народные сказки	6
Заюшкина избушка	6
Теремок	19
Жихарка	31
Хаврошечка	39
Лисичка со скалочкой	53
Яичко	61
Сестрица Алёнушка и братец Иванушка	68
Баба-яга	79
Сказки Ганса Христиана Андерсена	89
Огниво	90
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Сказки из детства

Чудо-книга

Любимые книжки для мальша и малышки

© Елисеев А. М., иллюстрации, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Русские народные сказки

Заюшкина избушка

Жили-были в лесу лиса да заяка. У лисы была избушка ледяная, а у зайки лубяная. Пришла весна, пригрело солнышко. У лисы избушка растаяла, а зайкина стоит, как стояла.

Попросилась лиса к зайчику пожить да из избушки-то его и выгнала.

Пошёл зайка со двора, сел под берёзкой и плачет. Бегут мимо собаки, видят – зайка плачет. Спрашивают его:

– Чего ты, зайка, плачешь?

– Как же мне, зайке, не плакать? Была у меня избушка

лубяная, а у лисы ледяная. Пришла весна, у лисы избушка растаяла. Попросилась она ко мне да меня и выгнала.

– Не плачь, зайка. Пойдём, мы лису выгоним.

Пришли они к зайкиной избушке. Собаки затавкали:

– Тяф-тяф-тяф! Ступай, лиса, вон.

А лиса в ответ:

– Как выскочу, как выпрыгну – полетят клочки по закоулочкам.

Собаки испугались и убежали. Сел зайка под берёзкой и горько плачет.

Идёт по лесу медведь, спрашивает:

– Чего, зайка, плачешь?

– Как же мне, зайке, не плакать? Была у меня избушка лубяная, а у лисы ледяная. Пришла весна, у лисы избушка

растаяла. Попросилась она ко мне да меня и выгнала.

– Не плачь, зайка. Пойдём, я её выгоню.

– Нет, не выгонишь. Собаки гнали – не выгнали. И ты не выгонишь.

– Нет, выгоню.

Пришёл медведь к избушке и зарычал:

– Ступай, лиса, вон!

А она с печи:

– Как выскочу, как выпрыгну – полетят клочки по закоулочкам!

Испугался медведь да бежать. Опять идёт зайка и плачет. Вдруг навстречу ему петух. Увидел зайчика, подошёл и спрашивает:

– Чего, зайка, плачешь?

– Да как же мне, зайке, не плакать? Была у меня избушка лубяная, а у лисы ледяная. Пришла весна, у лисы избушка растаяла. Попросилась она ко мне да меня и выгнала.

– Не плачь, зайка, пойдём, я её выгоню.

– Где ж тебе её выгнать? Собаки гнали – не выгнали, медведь гнал – не выгнал. И ты не выгонишь.

– А я выгоню.

Пришли они к избушке, петух и закричал:

– Ку-ка-ре-ку!
Иду на ногах,
В красных сапогах,
Несу косу на плечи:
Хочу лису посечи,
Пошла, лиса, с печи!

Лиса испугалась и говорит:

– Одеваюсь...

А петух опять:

– Ку-ка-ре-ку!
Иду на ногах,
В красных сапогах,
Несу косу на плечи:
Хочу лису посечи,
Пошла, лиса, с печи!

Лиса снова кричит:
– Шубу надеваю!

А петух своё:

– Ку-ка-ре-ку!
Иду на ногах,
В красных сапогах,
Несу косу на плечи:
Хочу лису посечи,
Пошла, лиса, с печи!

Лиса шмыг с печи – да в окно.

А зайка с петухом стали в избушке жить-поживать, добра
наживать.

Теремок

Стоит в поле теремок.

Прибежала мышка-норышка и спрашивает:

– Терем-теремок! Кто в тереме живёт?

Никто не отзывается. Она вошла и стала в теремке жить.

Прискакала лягушка-квакушка:

– Терем-теремок! Кто в тереме живёт?

– Я, мышка-норышка; а ты кто?

– А я лягушка-квакушка.

– Ступай ко мне жить.

Вошла лягушка, и стали они вдвоём жить.

Прибежал заяц:

– Терем-теремок! Кто в тереме живёт?

– Я, мышка-норышка, да я, лягушка-квакушка; а ты кто?

– А я заюшка из-под кустышка.

– Ступай к нам.

Стали они втроём жить.

Прибежала лисица:

– Терем-теремок! Кто в тереме живёт?

– Я, мышка-норышка, я, лягушка-квакушка, я, заюшка
из-под кúстышка; а ты кто?

– А я лиса Патрикеевна.

– Иди к нам жить.

Стало их четверо.

Пришёл волк:

– Терем-теремок! Кто в тереме живёт?

– Я, мышка-норышка, я, лягушка-квакушка, я, заюшка
из-под кустышка, я, лиса Патрикеевна; а ты кто?

– А я волчище-серый хвостище.

– Иди к нам.

Стало их пятеро.

Вот приходит к ним медведь:

– Терем-теремок! Кто в тереме живёт?

– Мышка-норышка, лягушка-квакушка, заюшка из-под кустышка, лиса Патрикеевна, волчище-серый хвостище, а ты кто?

– А я тяпыш-ляпыш! Пустите меня в теремок, – заревел медведь, да и полез на крышу.

Теремок затрещал и упал, а все звери разбежались.

Жихарка

Жили в избушке кот, петух да Жихарка¹.

Кот да петух пошли в лес на охоту и говорят Жихарке:

– Ты домовничай, обед готовь, да смотри: ежели придёт

лиса да станет ложки считать, ты ничего не говори, молчи!

¹ Жихарка – маленький человечек, домовёнок.

Приготовил Жихарка обед, стал ложки раскладывать.
Раскладывает да приговаривает:

– Эта ложка – котова, эта ложка – Петина, а эта – резная,
точёная, ручка золочёная – Жихаркина.

А лиса прознала, что Жихарка один в избушке остался,
и решила его утащить и съесть. Прибежала к избушке и в
дверь хвостом – тук-тук-тук!

Услыхал Жихарка, испугался да под печку залез.

Вошла лиса в горницу, смотрит – нет Жихарки. Подошла она к столу, стала ложки считать:

– Эта ложка – котова, эта ложка – Петина, а эту – резную, точёную, ручку золочёную – себе возьму.

Тут-то Жихарка не стерпел, из-под печки закричал:

– Не тронь, лиса, мою ложку!

Подбежала лиса к печке, Жихарку ухватила, сунула в мешок да в лес.

Прибежала домой, Жихарку в голбец² спрятала, сама печку затопила. Хочет Жихарку изжарить да съесть.

Печка истопилась, взяла лиса лопату, Жихарку достала и говорит:

– Садись, Жихарка, на лопату.

Жихарка сел – растопырился: ноги в потолок, руки поперёк – в печку-то и не лезет.

– Поворотись-ка, – говорит лиса, – да сядь правильно.

² Голбец – деревянный ларь возле печки.

Поворотился Жихарка к печке задом – растопырился: ноги в потолок, руки поперёк – в печку-то и не лезет.

– Экой ты бестолковый! – говорит лиса. А Жихарка в ответ:

– Я маленький, неучёный, ты мне покажи, как надо.

Лиса на лопату легла, колечком свернулась, хвостиком накрылась. А Жихарка толк её в печку! Заслонкой закрыл, ложку схватил да давай бог ноги!

А кот да петух вернулись домой – нет Жихарки!

Сидят они, плачут, рыдают:

– Вот ложка простая – котова, вот ложка простая – Петина, а нет ложки резной, точёной, ручки золочёной, нет нашего Жихарки!

Вдруг на крылечке – тук-тук-тук! Жихарка бежит, кричит:

– Вот он – я! А вот и ложка моя! А лиса в печке изжарилась.

Обрадовались кот да петух, стали Жихарку обнимать-целовать, за стол сажать.

И зажили они в избушке лучше прежнего.

Хаврошечка

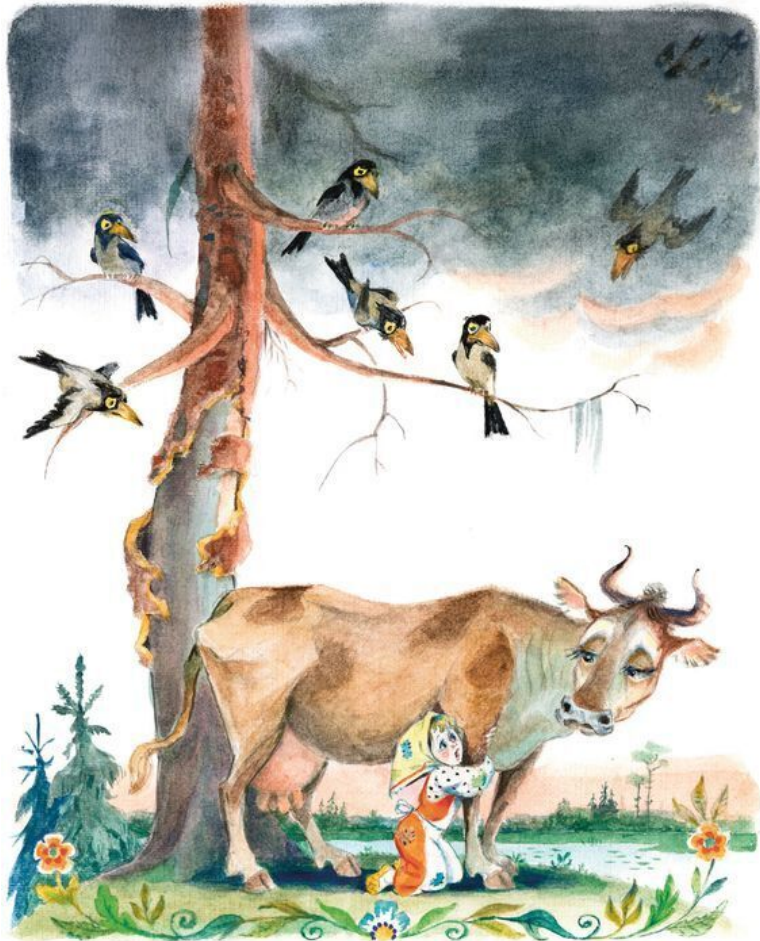
Есть на свете люди хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые своего брата не стыдятся.

К таким-то и попала Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой, взяли её эти люди, выкормили и над работой заморили: она и ткёт, она и прядёт, она и прибирает, она и за всё отвечает.

А были у её хозяйки три дочери. Старшая звалась Одноглазка, средняя Двуглазка, а меньшая Триглазка.

Дочери только и знали, что у ворот сидеть да на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала: их и обшивала, для них пряла и ткала – и слова доброго никогда не слыхала.

Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет

свою рябую коровку, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжело жить-поживать:

– Коровушка-матушка! Меня бьют-журят, хлеба не дают, плакать не велят. К завтрашнему дню мне велено пять пудов напрядь, наткать, побелить и в трубы покатать.

А коровушка ей в ответ:

– Красная девица, влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь – всё будет сработано.

Так и сбывалось. Влезет Хаврошечка коровушке в одно ушко, вылезет из другого – всё готово: и наткано, и побелено, и в трубы покатано.

Отнесёт она холсты к хозяйке. Та поглядит, покряхтит, спрячет в сундук, а Крошечке-Хаврошечке ещё больше работы задаст.

Хаврошечка опять придёт к коровушке, обнимет её, погладит, в одно ушко влезет, в другое вылезет и готовенькое возьмёт, принесёт хозяйке.

Вот хозяйка позвала свою дочь Одноглазку и говорит ей:

– Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди догляди, кто сироте помогает – и ткёт, и прядёт, и в трубы катает?

Пошла Одноглазка с Хаврошечкой в лес, пошла с нею в поле, да забыла матушкино приказание, распеклась на солнышке, разлеглась на травушке. А Хаврошечка приговаривает:

– Спи, глазок, спи, глазок!

Глазок у Одноглазки и заснул. Пока Одноглазка спала, коровушка всё наткала и побелила, и в трубы скатала.

Так ничего хозяйка не дозналась и послала вторую дочь – Двуглазку:

– Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди погляди, кто сироте помогает.

Двуглазка пошла с Хаврошечкой, забыла матушкино приказание, на солнышке распеклась, на травушке разлеглась. А Хаврошечка баюкает:

– Спи, глазок, спи, другой!

Двуглазка глаза и смежила. Коровушка наткала, побелила, в трубы накатала, а Двуглазка всё спала.

Старуха рассердилась и на третий день послала третью дочь – Триглазку, а сироте ещё больше работы задала.

Триглазка попрыгала-попрыгала, на солнышке разморилась и на травушку упала. Хаврошечка поёт:

– Спи, глазок, спи, другой!

А о третьем глазке и забыла. Два глаза у Триглазки заснули, а третий глядит и всё видит: как Хаврошечка корове в одно ушко влезла, в другое вылезла и готовые холсты подобрала.

Триглазка вернулась домой и матери всё рассказала. Старуха обрадовалась, на другой же день пришла к мужу:

– Режь рябую корову!

Старик и так и сяк:

– Что ты, старуха, в уме ли? Корова молодая, хорошая!

– Режь, да и только!

Делать нечего. Стал точить старик ножик.

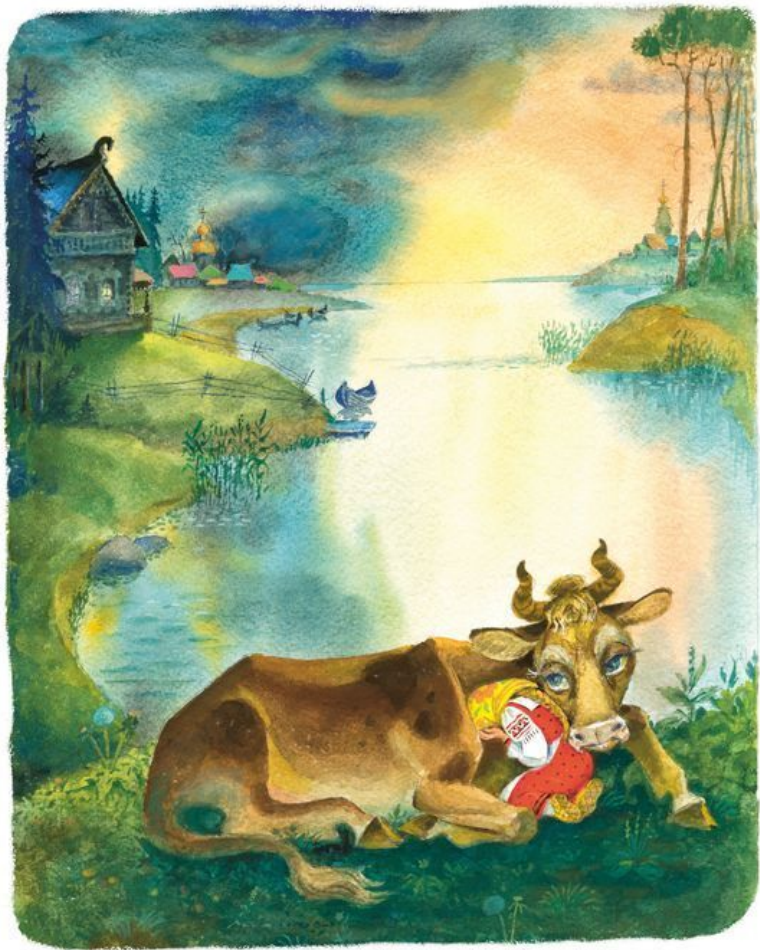

Хаврошечка про то прознала, в поле побежала, обняла рябую коровушку и говорит:

– Коровушка-матушка! Тебя резать хотят!

А коровушка ей отвечает:

– А ты, красная девица, моего мяса не ешь, а косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их схорони и никогда меня не забывай: каждое утро косточки водою поливай.

Старик зарезал коровушку. Хаврошечка всё сделала, что коровушка ей завещала: голодом голодала, мяса её в рот не брала, косточки её зарыла и каждый день в саду поливала.

И выросла из них яблонька, да какая! Яблочки на ней висят наливные, листья шумят золотые, веточки гнутся серебряные. Кто ни едет мимо – останавливается, кто проходит близко – заглядывается.

Много ли времени прошло, мало ли, – Одноглазка, Двуглазка и Триглазка гуляли раз по саду. На ту пору ехал мимо сильный человек – богатый, кудреватый, молодой. Увидел в саду наливные яблочки, стал затрагивать девушек:

– Девицы-красавицы, которая из вас мне яблочко поднесёт, та за меня замуж пойдёт.

Три сестры и бросились одна перед другой к яблоне. А яблочки-то висели низко, под руками были, а тут поднялись высоко, далеко над головами.

Сёстры хотели их сбить – листья глаза засыпают, хотели сорвать – сучки косы расплетают. Как ни бились, ни метались – руки изодрали, а достать не могли.

Подошла Хаврошечка – веточки к ней приклонились, и яблочки к ней опустились. Угостила она того сильного человека, и он на ней женился. И стала она в добре поживать,

лиха не зная.

Лисичка со скалочкой

Шла лисичка по дорожке, нашла скалочку. Подняла и пошла дальше.

Пришла в деревню и стучится в избу:

– Стук-стук-стук!

– Кто там?

– Я, лисичка-сестричка! Пустите переночевать!

– У нас и без тебя тесно.

– Да я не потесню вас: сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, скалочку под печку.

Её пустили. Она легла сама на лавочку, хвостик под лавочку, скалочку под печку. Рано поутру лисичка встала, сожгла свою скалочку, а после спрашивает:

– Где же моя скалочка? Я за неё и курочку не возьму!

Мужик – делать нечего – отдал ей за скалочку курочку.

Взяла лисичка курочку, идёт и поёт:

– Шла лисичка-сестричка по дорожке,

Нашла скалочку.

За скалочку – курочку!

Пришла она в другую деревню и стучится:

– Стук, стук, стук!

– Кто там?

– Я – лисичка-сестричка, пустите переночевать.

– У нас и без тебя тесно.

– Я не потесню вас; сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, курочку под печку.

Её пустили. Она легла сама на лавочку, хвостик под лавочку, курочку под печку. Рано утром она вскочила, схватила курочку, ощипала её, съела и говорит:

– Где же моя курочка? Я за неё гусочку не возьму!

Мужик – делать нечего – отдал ей за курочку гусочку; взяла лисичка гусочку, идёт и поёт:

– Шла лисичка-сестричка по дорожке,

Нашла скалочку;

За скалочку – курочку,

За курочку – гусочку!

Пришла она под вечер в третью деревню:

– Стук-стук-стук!

– Кто там?

– Я, лисичка-сестричка! Пустите переночевать!

– Да у нас и без тебя тесно.

– А я не потесню вас: сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, гусочку под печку.

Её пустили.

Вот она легла сама на лавочку, хвостик под лавочку, гусочку под печку.

Рано утром лисичка вскочила, схватила гусочку, ощипала её, съела и говорит:

– Где же моя гусочка? Я за неё не возьму и невесточку!

А мужику жалко невесточку отдавать. Посадил он в мешок большую собаку и отдал лисе:

– Бери, лиса, невесточку!

Вот лиса взяла мешок, вышла на дорогу и говорит:

– Невесточка, пой песни!

А собака в мешке как зарычит!

Лиса испугалась, бросила мешок – да бежать...

А собака выскочила из мешка – да за ней!

Лиса от собаки бежала-бежала да под пенёк в нору юркнула. Сидит там и говорит:

– Ушки мои, ушки! Что вы делали?

– Мы всё слушали.

– А вы, ножки, что делали?

– Мы всё бежали.

– А вы, глазки?

– Мы всё глядели.

– А ты, хвост?

– А я всё тебе мешал бежать.

– А, ты всё мешал! Ну постой же, я тебе задам! – И высу-
нула хвост из норы. – Ешь его, собака!

Тут собака ухватила за лисий хвост, вытащила лисицу
из норы и давай её трепать!

Яичко

Жили-были дед и баба. Была у них курочка Ряба. Снесла курочка яичко, а рядом мышка бежала. Хвостиком вильнула, яичко и разбилось.

Дед плачет, бабка плачет, курочка кудахчет. Прибежала внучка, спросила:

– Что вы плачете-кудахчете?

– Как же нам не плакать? Как же не кудахтать? Снесла курочка яичко – тако кругло, тако гладко, совсем ново, без заплаток. А мышка-злодейка хвостиком вильнула, яичко-то и разбилось.

Внучка, как это услышала, в обморок повалилась, с полок посуда покатилась, зазвенела и побилась. Беда!

Прибегает соседка. Враз избу осмотрела, сладким голо-сом запела. Мол, узнать мне невтерпёж: что за плач, что за галдёж?

Тут бабка возьми да и расскажи ей всё: и про яичко, и про мышку с хвостиком.

Соседка вся обомлела, запричитала, заревела:

– Соседушки дорогие, како горе-несчастье на вас навалилось! Яичко разбилось!

Сама, горемычная, о стенку бьётся, изба трясётся. Крыша поехала. Беда!

Пастух мимо стадо гнал да и поинтересовался: отчего это крыша поехала, отчего изба дрожит, внучка на полу лежит, дед-бабка плачут, а курочка кудахчет?

Дед с бабкой и поведали ему со слезами горючими да сто-нами тягучими про беду свою лютую.

Взвыл пастух. И ну кнутом стегать, слова разные кричать: пошто, мол, на добрых людей така судьбина пала?! Пошто мышка не там пробежала?!

От голоса гремучего да от кнута хлестучего стадо разбежалось, заборы повалило, сады-огороды потоптало, потрави-

ло.

Пастух кричит, стадо мычит, изба дрожит, внучка в обмороке лежит, дед-бабка плачут, курочка кудахчет, крыша поехала. Беда!

Вываливается барин на крыльцо. Весь из себя в талии узкий, в руке роман французский, на трость опирается, в кру-

чѣные усы улыбается. Любопытствует:

– Отчего в моих поместьях такой непокой, по всей деревне плач и вой?

Ему тут всё и выложили без утайки. И про курочку с яичком, и про мышку с хвостиком, и про всё-всё.

Барин аж с лица спал, все монокли с него попадали. Ручонками замахал, ножками затопал.

– Нет счастья в жизни, – кричит, – я по заграницам разные университеты кончаю, книги мудрёные читаю, а у меня под носом какая-то мышка-вертихвостка такую несправедливость учиняет! Прощайте! Нет никакой возможности с вами, тёмными, здесь оставаться. Всё! В Париж, в Париж!

Книжку свою разорвал, растоптал, трубку бросил да ещё

и каблучком прихлопнул и бегом в хоромы.

А там давай таблетки горстями глотать, микстурами запивать, порошками закусывать.

Нервишки успокоил и пошёл чемоданы в дорогу уминать.

Трубка, хоть и брошена, – пыхтит; бумага, хоть и рвана, – хорошо горит; а искра по ветру, знамо дело, далеко полетит. Скок-поскок, и вот уж вся деревня дымит.

Прискакали пожарные. Кишку размотали, в бочку конец опустили, стали народ допрашивать: отчего да почему? Отчего огонь загорелся, почему пожар разыгрался? Кака-така причина?

Им всё как на духу доложили, всё в подробностях объяснили, пять раз повторили, ничего не забыли.

Как только пожарные суть уразумели, на бочку сели. Плачут, рыдают, кишкой слёзы утирают. Уж тут не до пожара. Горе-то какое!

Идёт мимо странник, видит: пожарные рыдают, поместье горит, барин с чемоданом в Париж бежит, пастух кричит, стадо мычит, изба дрожит, внучка в обмороке лежит, дед-бабка плачут, курочка кудахчет. Крыша поехала. Беда!

Прохожий удивляется, к погорельцам кидается:

– Что стряслось-приключилось?!

А ему в ответ:

– ЯИЧКО РАЗБИЛОСЬ!

Сестрица Алёнушка и братец Иванушка

Жили-были старик да старуха, у них была дочка Алёнушка да сынок Иванушка.

Старик со старухой умерли. Остались Алёнушка да Иванушка одни-одинёшеньки.

Пошла Алёнушка на работу и братца с собой взяла. Идут они по дальнему пути, по широкому полю, и захотелось Иванушке пить:

– Сестрица Алёнушка, я пить хочу.

– Подожди, братец, дойдём до колодца.

Шли, шли – солнце высо́ко, колодец далёко, жар донимает, пот выступает. Стоит коровье копытце полно водицы.

– Сестрица Алёнушка, хлебну я из копытца!

– Не пей, братец, телёночком станешь!

Братец послушался, пошли дальше.

Солнце высо́ко, колодец далёко, жар донимает, пот выступает. Стоит лошадиное копытце полно водицы.

– Сестрица Алёнушка, напьюсь я из копытца!

– Не пей, братец, жеребёночком станешь.

Вздыхнул Иванушка, опять пошли дальше.

Идут, идут, солнце высоко, колодец далёко, жар донимает,
пот выступает. Стоит козьё копытце, полно водицы.

Иванушка говорит:

– Сестрица Алёнушка, мочи нет: напьюсь я из копытца!

– Не пей, братец, козлёночком станешь!

Не послушался Иванушка и напился из козьёго копытца.

Напился и стал козлёночком...

Зовёт Алёнушка братца, а вместо Иванушки бежит за ней

беленький козлёночек.

Залилась Алёнушка слезами, села под стожок, плачет, а козлёночек возле неё скачет.

В ту пору ехал мимо купец:

– О чём, красная девица, плачешь?

Рассказала ему Алёнушка про свою беду. Купец ей говорит:

– Пооди за меня замуж. Я тебя наряжу в злато-серебро, и козлёночек будет жить с нами.

Алёнушка подумала, подумала и пошла за купца замуж.

Стали они жить-поживать, и козлёночек с ними живёт, ест-пьёт с Алёнушкой из одной чашки.

Один раз купца не было дома. Откуда ни возьмись приходит ведьма: стала под Алёнушкино окошко и так-то ласково начала звать её купаться на реку.

Привела ведьма Алёнушку на реку. Кинулась на неё, привязала Алёнушке на шею камень и бросила её в воду.

А сама оборотилась Алёнушкой, нарядилась в её платье

и пришла в её хоромы. Никто ведьму не распознал. Купец вернулся – и тот не распознал.

Одному козлёночку всё было ведомо. Повесил он голову, не пьёт, не ест. Утром и вечером ходит по бережку около воды и зовёт:

– Алёнушка, сестрица моя!

Выплывь, выплывь на бережок...

Узнала об этом ведьма и стала просить мужа: зарежь да зарежь козлёнка...

Купцу жалко было козлёночка, привык он к нему. А ведьма так пристаёт, так упрашивает, – делать нечего, купец согласился:

– Ну, зарежь его...

Велела ведьма разложить костры высокие, греть котлы чугунные, точить ножи булатные...

Козлёночек проведал, что ему недолго жить, и говорит названому отцу:

– Перед смертью пусти меня на речку сходить, водицы испить, кишочки прополоскать.

– Ну, сходи.

Прибежал козлёночек на речку, стал на берегу и жалобненько закричал:

– Алёнушка, сестрица моя!

Выплывь, выплывь на бережок.

Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Алёнушка из реки ему отвечает:

– Ах, братец мой Иванушка!
Тяжёл камень на дно тянет,
Шелковá трава ноги спутала,
Желты́ пески на груди легли.

А ведьма ищет козлёночка, не может найти и посылает слугу:

– Пойди найди козлёнка, приведи его ко мне.

Пошёл слуга на реку и видит: по берегу бегают козлёночек и жалобнёшенько зовёт:

– Алёнушка, сестрица моя!
Выплывь, выплывь на бережок.
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати.

А из реки ему отвечают:

– Ах, братец мой Иванушка!
Тяжёл камень на дно тянет,
Шелковá трава ноги спутала,
Желты́ пески на груди легли.

Слуга побежал домой и рассказал купцу, что слышал на речке.

Собрали народ, пошли на реку, закинули сети шёлковые
и вытащили Алёнушку на берег.

Сняли камень с шеи, окунули её в ключевую воду, одели её в нарядное платье. Алёнушка ожила и стала краше, чем была.

А козлёночек от радости три раза перекинулся через голову и обернулся мальчиком Иванушкой.

Злую ведьму привязали к лошадиному хвосту и пустили в чистое поле.

Баба-яга

Жили дед да баба. Дед овдовел и женился на другой жене, а от первой жены осталась у него девочка. Злая мачеха её невзлюбила, била её и думала, как бы вовсе извести. Раз отец уехал куда-то, мачеха и говорит девочке: «Поди к своей тётке, моей сестре, попроси у неё иголочку и ниточку – тебе рубашку сшить». А тётка эта была Баба-яга костяная нога.

Девочка была неглупа, да зашла прежде к своей родной тётке.

– Здравствуй, тётушка!

– Здравствуй, родимая! Зачем пришла?

– Матушка послала к своей сестре попросить иголочку и ниточку – мне рубашку сшить.

Та её и научает:

– Там тебя, племянюшка, будет берёзка в глаза стегать – ты её ленточкой перевяжи; там тебе ворота будут скрипеть и хлопать – ты подлей им под пяточки маслица; там тебя собаки будут рвать – ты им хлебца брось; там тебе кот будет глаза драть – ты ему ветчины дай.

Пошла девочка: вот идёт, идёт и пришла.

Стоит хатка, а в ней сидит Баба-яга костяная нога и ткёт.

– Здравствуй, тётушка!

– Здравствуй, родимая!

– Меня матушка послала попросить у тебя иголочку и ниточку – мне рубашку сшить.

– Хорошо; садись пока прясть.

Вот девочка села за прялку, а Баба-яга вышла и говорит своей работнице:

– Ступай, истопи баню да вымой племянницу, да смотри, хорошенько; я хочу ею позавтракать.

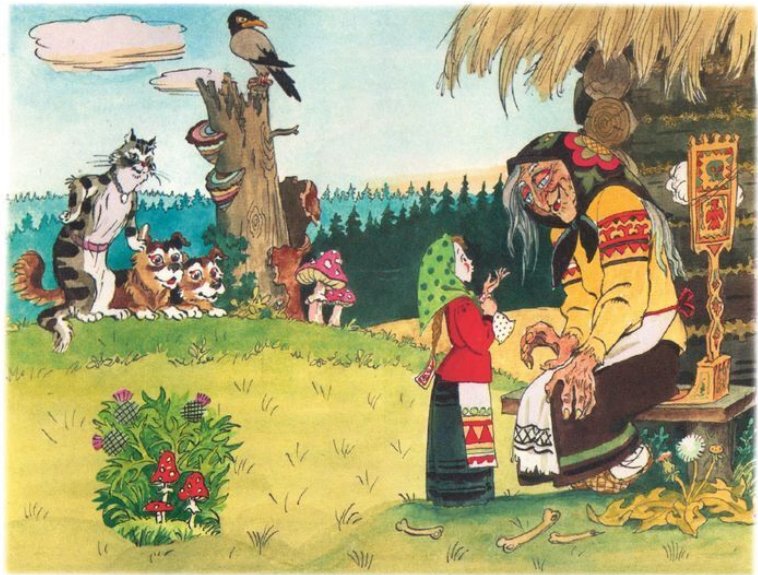
Девочка сидит ни жива ни мертва, вся перепуганная, и просит она работницу:

– Родимая моя! Ты не столько дрова поджигай, сколько водой заливай, решетом воду носи, – и дала ей платочек.

Баба-яга подошла к окну и спрашивает:

– Прядёшь ли, племянушка, прядёшь ли, милая?

– Пряду, тётушка, пряду, милая!

Баба-яга отошла, а девочка дала коту ветчинки и спрашивает:

– Нельзя ли как-нибудь уйти отсюда?

– Вот тебе гребешок и полотенце, – говорит кот, – возьми их и беги. За тобой будет гнаться Баба-яга, ты приклони ухо к земле и как заслышишь, что она близко, брось сперва полотенце – сделается широкая-широкая река. Если ж Баба-яга перейдёт через реку и станет догонять тебя, ты опять приклони ухо к земле и, как услышишь, что она близко, брось гребешок – сделается дремучий-дремучий лес; сквозь него

она уже не проберётся!

Девочка взяла полотенце и гребешок и побежала. Собаки хотели её рвать – она бросила им хлебца, и они её пропустили. Ворота хотели захлопнуться – она подлила им под пяточки маслица, и они её пропустили. Берёзка хотела ей глаза выстегать – она её ленточкой перевязала, и та её пропустила. А кот сел за прялку и прядёт: не столько напрял, сколько напутал.

Баба-яга подошла к окну и спрашивает:

– Прядёшь ли, племянушка, прядёшь ли, милая?

– Пряду, тётка, пряду, милая! – отвечает грубо кот.

Баба-яга бросилась в хатку, увидела, что девочка ушла, и давай бить кота и ругать, зачем не выцарапал девочке глаза.

– Я тебе сколько служу, – говорит кот, – ты мне косточки не дала, а она мне ветчинки дала.

Баба-яга накинулась на собак, на ворота, на берёзку и на работницу, давай всех ругать и колотить. Собаки говорят ей:

– Мы тебе сколько служим, ты нам горелой корочки не бросила, а она нам хлебца дала.

Ворота говорят:

– Мы тебе сколько служим, ты нам водицы под пяточки не подлила, а она нам маслица подлила.

Берёзка говорит:

– Я тебе сколько служу, ты меня ниточкой не перевязала, а она меня ленточкой перевязала.

Работница говорит:

– Я тебе сколько служу, ты мне тряпочки не подарила, а она мне платочек подарила.

Баба-яга костяная нога поскорей села в ступу, толкачом погоняет, помелом след замечает и пустилась в погоню за девочкой. Вот девочка приклонила ухо к земле и слышит, что Баба-яга уж близко, да и бросила полотенце: сделалась река широкая-широкая! Баба-яга приехала к реке и от злости зубами заскрипела; воротилась домой, взяла своих быков и пригнала к реке. Быки выпили всю реку дочиста, и Баба-яга пустилась опять в погоню. Девочка приклонила ухо к земле и слышит, что Баба-яга близко, бросила гребешок: сделался лес дремучий да страшный! Баба-яга стала его грызть, но сколько ни старалась – не могла прогрызть и воротилась назад.

А дед уже приехал домой и спрашивает:

– Где же моя дочка?

– Она пошла к тётушке, – говорит мачеха.

Немного погодя и девочка прибежала домой.

– Где ты была? – спрашивает отец.

– Ах, батюшка! – говорит она. – Меня матушка послала к

тётке попросить иголочку с ниточкой – мне рубашку сшить,

а тётка, Баба-яга, меня съесть хотела.

Дед как узнал всё это, рассердился на жену и прогнал её, а сам с дочкою стал жить да поживать да добра наживать.

Сказки Ганса Христиана Андерсена

Огниво

Шёл солдат по дороге: раз-два, раз-два! Ранец за спиной, сабля на боку. Шёл он домой с войны. По дороге встретилаь ему старая ведьма, безобразная, противная: нижняя губа висела у неё до самой груди.

– Здорово, служивый! – буркнула она. – Ишь какая у тебя славная сабля! А ранец-то какой большой! Вот бравый

солдат! Ну, сейчас я тебе отвалю денег, сколько твоей душе угодно.

– Спасибо тебе, старая ведьма! – сказал солдат.

– Видишь вон то старое дерево? – проговорила ведьма, показывая на дерево, которое стояло неподалёку. – Внутри оно пустое. Влезь наверх: увидишь дупло, спустишь в него до самого низу. Перед тем как ты спустишься, я тебя обвяжу верёвкой вокруг пояса, а когда ты мне крикнешь, я тебя вытащу.

– Но зачем мне туда лезть? – спросил солдат.

– За деньгами! – ответила ведьма. – Надо тебе знать, что, когда ты доберёшься до самого низа, то увидишь большой подземный ход; в нём горит больше трёхсот ламп, поэтому там совсем светло. Потом ты увидишь три двери: можешь их отворить, ключи торчат снаружи. Посреди первой комнаты увидишь большой сундук, а на нём собаку; глаза у неё величиной с чайную чашку. Но ты не бойся! Я дам тебе свой синий клетчатый передник, ты расстели его на полу, быстренько схвати собаку, посади её на передник, открой сундук и бери из него денег сколько угодно. В этом сундуке лежат только медяки; захочешь серебра – ступай в другую комнату. Там сидит собака с глазами, как мельничные колёса. Но ты не пугайся, посади её на передник и бери деньги. А если тебе захочется золота, достанешь и его, сколько сможешь унести, стоит лишь пойти в третью комнату. У собаки, которая си-

дит там на деревянном сундуке, глаза с Круглую башню³. Но ты и её не бойся. Посади её на мой передник, и она тебя не тронет, а ты бери себе золота сколько хочешь!

– Оно бы недурно! – сказал солдат. – Но что же ты с меня за это возьмёшь, старая ведьма? Ведь даром ты для меня ничего не сделаешь.

– Ни гроша я с тебя не возьму, – ответила ведьма. – Только принеси мне старое огниво – там его позабыла моя бабушка,

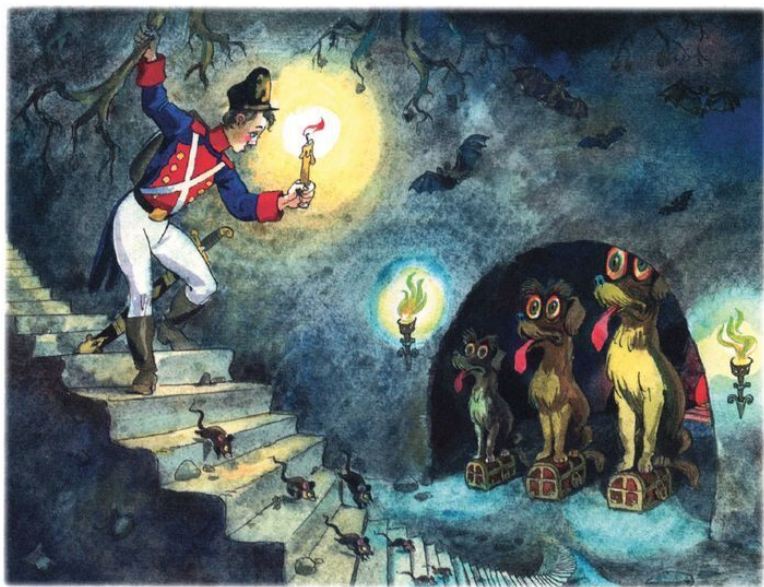
³ *Круглая башня* – знаменитая башня в Копенгагене.

когда спускалась туда в прошлый раз.

– Ну, обвязывай меня верёвкой! – приказал солдат.

– Готово! – сказала ведьма. – А вот и мой синий клетчатый передник!

Солдат влез на дерево, забрался в дупло и, как и говорила ведьма, очутился в большом проходе, где горели сотни ламп.

Вот он открыл первую дверь. Ох! Там сидела собака с глазами как чайные чашки и тарасила их на солдата.

– Молодчина! – сказал солдат, посадил собаку на ведьмин

передник, набрал себе полный карман медных денег, потом закрыл сундук, водворил на него собаку и перешёл в другую комнату. Правду сказала ведьма! Там сидела собака с глазами, как мельничные колёса.

– Ну, нечего тарашить на меня глаза, а то ещё заболят! – сказал солдат и посадил собаку на ведьмин передник.

Увидев в сундуке огромную кучу серебра, он выбросил все медяки и набил себе оба кармана и ранец серебром. Затем он перешёл в третью комнату. Ну и страшилище! У собаки, которая там сидела, глаза были никак не меньше Круглой башни и вращались, будто колёса.

– Добрый вечер! – сказал солдат и взял под козырёк.

Такой собаки он ещё не видывал.

Впрочем, смотрел он на неё недолго, а взял да и посадил её на передник, потом открыл сундук. Сколько тут было золота! Он мог бы купить на него весь Копенгаген, всех сахарных поросят у торговок сладостями, всех оловянных солдатиков, всех деревянных лошадок и все кнутики на свете! Солдат выбросил серебряные деньги и так набил свои карманы, ранец, шапку и сапоги золотом, что едва мог двигаться. Наконец-то он был при деньгах! Собаку он опять посадил на сундук, потом захлопнул дверь, поднял голову и закричал:

– Тащи меня, старая ведьма!

– Огниво взял? – спросила ведьма.

– Ах, чуть было не забыл! – ответил солдат; пошёл и взял огниво.

Ведьма вытащила его наверх, и он опять очутился на дороге, только теперь карманы его, и сапоги, и ранец, и фуражка были набиты золотом.

– Зачем тебе это огниво? – спросил солдат.

– Не твоё дело! – ответила ведьма. – Получил деньги, и хватит с тебя! Ну, отдавай мне огниво!

– Как бы не так! – сказал солдат. – Сию минуту говори, на что оно тебе нужно, а не то вытащу саблю и голову тебе отрублю.

– Не скажу! – упёрлась ведьма.

Солдат взял да и отрубил ей голову. Ведьма повалилась на землю мёртвая, а он завязал все деньги в её передник, взвалил узел себе на спину, огниво сунул в карман и отправился прямо в город. Там он остановился на самом дорогом постоялом дворе, занял самые лучшие комнаты и заказал все свои любимые блюда – ведь он теперь стал богачом!

Слуга, который чистил обувь приезжих, удивился, что у такого богатого господина такие плохие сапоги, но солдат ещё не успел обзавестись новыми. Однако на другой день он купил себе и хорошие сапоги, и дорогую одежду.

Теперь солдат сделался настоящим баринном, и ему рассказали обо всех достопримечательностях города, о короле и его прелестной дочери, принцессе.

– Как бы её увидеть? – спросил солдат.

– Это невозможно! – ответили ему. – Она живёт в огромном медном замке, окружённом высокими стенами с башнями. Никто, кроме самого короля, не смеет ни войти в замок, ни выйти оттуда, потому что королю предсказали, что дочь его выйдет замуж за совсем простого солдата, а королям такое понравиться не может.

«Вот бы на неё поглядеть!» – подумал солдат.

Да кто бы ему позволил?!

Теперь он зажил весело: ходил в театры, ездил кататься в королевский сад и много денег отдавал бедным. И это было очень хорошо с его стороны, ведь он по себе знал, как труд-

но сидеть без гроша в кармане! Теперь он был богат, прекрасно одевался и приобрёл множество друзей; все они называли его славным малым, настоящим кавалером, и ему это очень нравилось. Но так как он всё только тратил деньги, а новых ему взять было неоткуда, то в конце концов осталось у него всего-навсего две монетки! Пришлось перебраться из хороших комнат в крошечную каморку под самой крышей, самому чистить себе сапоги и даже латать их; теперь никто из друзей его не навещал – уж очень высоко было к нему подниматься!

Однажды тёмным вечером солдат сидел в своей каморке, денег у него не было даже на свечку. И вдруг он вспомнил про крошечный огарочек, который он взял вместе с огнивом в подземелье, куда спускала его ведьма. Солдат достал огниво и огарок, но как только ударил по кремню, высекая огонь, дверь распахнулась, и перед ним предстала собака с глазами, как чайные чашки, та самая, которую он видел в подземелье.

– Что угодно, господин? – пролаяла она.

– Вот так история! – сказал солдат. – Огниво-то, выходит, прелюбопытная штучка: теперь я смогу получить всё, что захочу! Эй ты, добудь-ка мне денег! – приказал он собаке, и... раз – её уж и след простыл; два – она опять была тут как тут, а в зубах держала большой кошель, набитый медными монетами! Тогда солдат понял, что за чудесное у него огниво. Ударишь по кремню раз – является собака, что сидела на сундуке с медными деньгами; ударишь два – является та, что

сидела на серебре; ударишь три – прибегает та, что сидела на золоте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.